

Кентаро лишь чудом избежал попадания, узкое лезвие ножа кунай свистнуло у самой его щеки. Он тут же контратаковал, надеясь на то, что клинок его катаны даст ему преимущество просто в силу своей длины. Ошибался! Старуха отпрыгнула, мгновенно и изящно, снова увеличивая дистанцию между ними.

— Очень хорошо, Дух, — сказала женщина, усмехаясь. — Видно, что ты был прилежным учеником моего друга. О да, Седой Пес великолепно поработал над этим инструментом!

Огонь уже безумствовал со всех сторон, красно-оранжевые языки его пожирали расставленные у стен деревянные фигурки Мудреца, вгрызались в лица — и от этого казалось, что статуэтки изображают не веселого старичка, а безумно хохочущих демонов.

Кентаро старался не обращать внимания на жар, на пламя, на бешенство стихии. Он не сводил взгляда со старухи, ожидая следующей атаки. Быстрой и безжалостной.

Алый Клинок в его руках жаждал крови.

Старуха рванулась вперед, точно пуля из ружья. Ножи кунай в ее руках замерцали, больше напоминающие искры, чем оружие. Шаг, другой, и вот женщина уже была рядом с Духом, ударила ножами и справа, и слева.

Она открылась!

Кентаро пропустил первую атаку, даже не парируя ее. Сошел с линии удара, позволяя ножу промчаться рядом с ним. И одновременно перехватил ладонями рукоять катаны, изящно переходя к собственному удару.

Блеснула сталь. Атака была быстрой, точной, нацеленной в открытую правую руку старухи. Кентаро не мог промахнуться...

Промахнулся!

Женщина развернулась в прыжке, ударила вторым ножом, одновременно выходя из-под удара Духа.

Кунай ударил воина в плечо, пробил сегментированный наплечник содэ, проскользнул через кольца плетеной брони кусари и болезненно вонзился в мышцу.

Кентаро отпрыгнул, лишь чудом избежав следующей атаки, направленной в его открытое горло, отчаянно махнул катаной, будто отгоняя назойливых насекомых. Теперь уже он увеличил дистанцию между собой и старушкой.

Та вынула из-за пояса новый нож.

Дух потянулся к плечу, вырвал торчащий из него кунай. Чувствовал, как кровь течет по его руке, но, несмотря на это, преодолевая боль и сопротивление поврежденных мышц, он снова схватил Алый Клинок двуручным хватом.

ПРОЛОГ

— О да, хороший, хороший Дух, — протянула старуха. — Твой учитель Седой Пес гордился бы тобой, если б это видел. Да, был бы горд. Если бы был жив.

Она прыгнула вперед с ножами в руках.

Кентаро болезненно охнул, поднимая меч и готовясь к этой финальной, последней атаке.

ОМОТЕ 1

КЛАН ЗМЕИ

Гибнущий род
Готовится к войне.
Змея кроется в зарослях.
Яда полны клыки.

Двумя неделями ранее

Главный двор замка клана Нагата заполняли люди. Воины, сохраняя между собой равные промежутки, сидели на корточках на земле, а их оружие — мечи, скрытые в ножнах, — лежало перед ними. Все ждали, поглядывая на двери дворца.

Подул легкий ветер, где-то вдали запела птица. Одетые в голубые доспехи самураи ожидали своего господина.

Наконец массивные двери дворца разъехались, и на широкое крытое крыльцо медленными и неуверенными шагами вышел старик. Нагата Фукуро, старейшина и даймё клана, был стар — ему было уже под восемьдесят. Говорили, что некогда он был великим воином, самураем, который мог в бою одолеть любого противника. Говорили, что он помнил еще времена правления Сына Богов Ундо, Великого Императора. Говорили, что он служил при дворе великого владыки, а огромные богатства рода были подарком самого Сына Богов. Вероятней всего, какая-то часть истины в этом была, поскольку Нагата владели

наибольшими земельными уделами из всех кланов Запада.

Но сейчас Фукуро был уже не могучим самураем, а дряхлым старцем. Он так исхудал, что едва держался на ногах, а голубое кимоно, искусно украшенное белыми монами клана, казалось для него слишком большим. Воистину, человек ли вышел или его тень?

Однако старец смело двигался вперед, шаг за шагом приближаясь к краю крыльца. Тогда ближайšie из самураев смогли увидеть его глаза — зоркие, смелые, полные отваги. О, глаза его сохранили давнюю силу, в них сохранились мощь и живость молодости.

В двух шагах позади старого даймё шел воин гораздо младше его. Он был одет в искусно сработанные бело-голубые доспехи, нагрудник которых украшал мон клана Нагата — три набегающие друг на друга морские волны. На поясе самурая был виден полный набор дайсё, а под мышкой воин нес шлем с ярко блестящим золотым нашлемником сложной формы.

Это был Кицунэ Хаяи¹, ближайший сподвижник старого Фукуро, шомиё клана Нагата. С тех пор как Кицунэ присягнул на верность роду, он водил в бой войска клана. Преданный и воинственный, он был словно бы младшим воплощением своего господина. Происходил он из бедного клана и имел много возможностей воспользоваться слабостью Фукуро, но не воспользовался ни одной, чем доказал старцу свою безграничную верность.

¹ Кицунэ (*яп.*) — лис, Хаяи (*яп.*) — быстрый.

Кицунэ занял место по левую руку от господина и смело взглянул на сидящих на плацу воинов.

Старый Фукуро поднял было ладонь... но заговорил Хаяи!

— Солдаты! — крикнул он. — Перед вами ваш господин, великий даймё рода Нагата! Склонитесь же перед ним!

Самураи все как один опустили взгляд, а потом низко, до земли, поклонились. Нагата Фукуро сделал еще шаг вперед и с явным трудом заговорил, тихо и слабо:

— Воины... вот я стою перед вами, как... старейшина клана и ваш... даймё...

При этих словах самураи подняли головы, чтобы взглянуть на своего господина.

— Мы один клан... а один клан как... меч... — продолжал старец с большим трудом. — Меч, который... должен быть всегда острым и... закаленным в битве...

— Татакай е! — вскричал кто-то из самураев. — В бой!

— В бой! — крикнул и другой, желая выразить господину поддержку, добавить ему сил. — Смерть врагам!

Старец вновь поднял дрожащую ладонь, благодаря воинов, но и намекая, что он еще не закончил.

— Но хороший господин заботится о подданных... о своих верных самураях и... не посылает их без нужды на смерть... не ищет ненужной битвы... — Последовала долгая пауза, чтобы старый Фукуро отдышался. Речь выматывала. О, насколько же слабым стало тело великого некогда воина, раз уж даже слова давались с таким трудом! — Но битва... война... сама

пришла к нам, и мы должны... встретить ее, — произнес он наконец. — Клан Змеи... наш исконный враг... снова поднял голову. Преступники, обесчестившие себя самураи, ведьмы, отравители... вот клыки гада... они атакуют не солдат наших, но крестьян... не осаждают стены наших замков, но грабят наши деревни... жгут наши села... кусают, боясь открытого боя... пора положить этому конец!

— Конец! — откликнулись воины. — Хачуруй ноши! Смерть гадам!

Казалось, что речь исчерпала силы старца, но с возгласами самураев в его тело явно влилась новая сила.

Сейчас, когда глава рода официально объявил войну другому клану, должна была состояться ключевая часть церемонии. Из боковых дверей вышли приближенные господина Нагаты, несущие некий продолговатый предмет. Поставили его прямо перед главой клана.

Это был меч — великолепная катана, спрятанная в искусно украшенных голубых ножнах, что лежали на подставке в специальном ящике. Рукоять была обвита голубым шнуром, а цуба изображала бурно бегущие морские волны.

Самэ но Киба, Клык Акулы, родовое оружие клана, века назад выкованное собственноручно основателем рода — Нагатой Одой. Вынос этого меча из додзё господина Нагаты венчал церемонию объявления войны.

Самураи напряженно вглядывались в своего господина. Мужчина опустился на колено, дотронулся до рукояти, и на мгновение показалось, что старик

вновь превратится в юношу, наденет доспех, возьмет меч и лично отправится мстить враждебному змеиному клану.

Так, конечно же, не случилось. Силы покинули господина Фукуро уже давным-давно, и сейчас лишь его глаза сохраняли былую силу. И все же мужчина собрался с духом, обеими руками взял меч и поднял его, вставая. На один очень короткий момент он снова стал великим даймё, великолепным воином, ветераном десятков боев и битв.

Самураи вскочили в полный рост, выхватили собственное оружие. Изогнутые лезвия блеснули в свете солнца.

— К бою! — вскричали они. — Смерть змеям!!!

— Ши! Смерть!!!

Даймё улыбнулся, глаза его заблестели. Он повернулся к своему верному шомиё и подал тому меч. Слишком быстро; меч был явно слишком тяжел для него.

Кицунэ Хаяи принял меч и глубоко поклонился.

— Нагата! Нагата! — кричали воины. — Кицунэ!!!

— Смерть змеям!!!

Даймё снова поднял дрожащие ладони, пытаясь успокоить воинов.

— Вот Кицунэ Хаяи, мой верный слуга... — сказал он, когда крики стихли. — Это он поведет вас... в бой... Мой меч принадлежит ему, а его голос... принадлежит мне... слушайте его... как если б он был... мной...

Старец покачнулся, казалось, он вот-вот рухнет на колени.

Кицунэ мгновенно оказался рядом. Его рукопожатие помогло даймё устоять, но не выглядело уни-

зительным — это воин хотел пожать ладонь своего господина, а не младший мужчина поддерживал дряхлого старца.

— Спа... спасибо тебе за это... друг! — шепнул даймё.

— Всегда, господин мой! — тихо ответил Кицунэ.

Он отпустил руку старика и заткнул за пояс Самэ но Киба. Самураи, следуя его примеру, тоже убрали свое оружие.

И тут из-за спины старца появился кое-кто еще.

Род Нагата был старым, богатым, некогда могучим кланом, но не зря говорилось, что боги любят равновесие. Богатые редко бывают счастливы. Женщина удивительной красоты быстро ее теряет. Тот, кто счастлив в любви, не будет удачлив на поле битвы. А род, длящийся века, может угаснуть за одно поколение.

И вот последняя мудрость как раз более всего подходила клану Нагата.

Потому что на крыльце как раз появился первенец и единственный сын господина Фукуро, Конэко¹.

Худенький, бледный и слабый ребенок шести лет, одетый так же, как и его отец, в голубое кимоно с монами рода. У старого Нагаты было много жен, но ни одна из них не родила ему наследника. Дети всегда рождались мертвыми, и — по слухам — кладбище поместья могло таить останки чуть ли не сотни таких детей.

И лишь последняя жена, молоденькая Тамаго, которую даймё взял за себя, уже перешагнув за семье-

¹ Конэко (*яп.*) — котенок.

сят, наконец подарила ему живого ребенка, отдав при родах за это собственную жизнь. Этим ребенком как раз и был Конэко.

К сожалению, и здесь счастье не улыбнулось клану. Долгожданный наследник был болезненным и, казалось, столь же слабым, как и его отец. Тот, конечно, собрал со всего Ниппона целителей, лекарей и жрецов, чтоб они занимались мальчиком, но никто не сомневался в том, что маленький Конэко не доживет до зрелости и уж, во всяком случае, не сможет восстановить былого достоинства рода. Так что многовековое могущество Нагаты должно было погаснуть всего за одно поколение.

Но старый Фукуро был воином и не собирался сдаваться без боя.

Конэко учили так, как положено учить каждого потомка даймё. Он уже умел читать и писать, сам сочинял стихи и даже — если позволяли врачи — тренировался в умении владеть специально для него сделанным легким боккеном.

И должен был участвовать в церемониях. А уж объявление войны другому клану, безусловно, было одной из важнейших.

Мальчик медленно вышел вперед. Казалось, он слабее даже своего отца. Но, когда он начал говорить, голос его не дрогнул — несмотря на детский возраст. Конэко очень серьезно подходил к исполнению своих обязанностей.

— Воины! — воскликнул он. — Мой отец посылает вас в бой, а мой друг Кицунэ поведет вас! Защищайте наш род с честью, а каждого, кто преградит вам путь, угощайте сталью! Пусть разнесется весть о том,

что выступающие против рода Нагата испытают на себе его гнев, а те, кто обижен, могут найти приют в стенах нашей твердыни! Пусть погибнут все враги нашего клана! Все наши подданные, кто пострадал, пусть придут сюда! Вот моя просьба к вам, о воины! Исполните ли ее?

— Исполним! — откликнулись самураи. — Нагата! Нагата!!! Смерть змеям!

Кицунэ смотрел на собравшихся и с радостью отмечал их искренний энтузиазм. О да, он и сам был готов хоть сейчас вскочить на коня, промчатся сквозь ворота и вырвать жизнь из сердец этих гадов из клана Змеи!

Но несчастье имеет обыкновение прерывать самые прекрасные моменты.

Конэко покачнулся, повернулся неловко, и слуги едва успели подхватить мальчика, не дать ему упасть. Ребенок побледнел, а из губ его сочилась желтоватая, смешанная с гноем слюна.

Шомиё указал на раскрытые двери в цитадель.

— Быстро! — прошипел он. — В Зал Предков, бегом!

Ребенка забрали; старик смотрел вслед сыну, а по его сухим щекам катились слезы. Самураи даже не дрогнули. Верные бойцы клана Нагата делали вид, что ничего не случилось, что они вовсе не видят, как мощь клана приходит в упадок у них на глазах.

Но каждый из них знал правду. Знал, что это может быть последним боем семьи.

— Забери меня... — простонал Фукуро, обращаясь к своему шомиё, — забери меня... к моему сыну... я хочу отдохнуть... вместе с ним...

* * *

— Мэйко! — позвала женщина. — Мэйко, ты куда подевалась?

Медичка подняла взгляд от стола, за которым работала.

— Я здесь, Закура! — откликнулась она.

Полная пожилая женщина быстро подошла к девушке, минуя всех остальных целительниц, находящихся в зале. Встала над Мэйко, критическим взглядом оценивая то, что находилось на столе. На столе были корбочки с пахучими мазями, семена, сушеные травы, лекарственные порошки, а также приспособления для перемешивания, толчения и просеивания.

Каждая из женщин в Доме Снадобий была обязана изготавливать медикаменты для потребностей двора и солдат, однако в последние недели работы было больше, чем обычно. Назревала война с кланом Змеи, поэтому господин Кицунэ велел заготовить побольше лекарственных и укрепляющих средств для солдат, идущих в бой. А поскольку в армии клана было более трехсот бойцов, работы хватало всем!

Мэйко, хоть и не была обязана, вызвалась помочь. Она была личным врачом юного господина Конэко. Приехав сюда сразу после курсов медицинской академии в Хизако, она своими знаниями и навыками быстро заслужила доверие главы рода. Девушка была способна поставить на ноги юного господина, а ее лекарства иногда давали даже надежду на устойчивое выздоровление. Но, несмотря на все свои таланты, Мэйко так и не смогла диагностировать болезни

господина Конэко. Гнойные лихорадки, стул с кровью, рвота, постоянное отсутствие аппетита... с такими симптомами мальчик должен был умереть уже давным-давно. И все же он судорожно цеплялся за жизнь. Страдал, но жил! Мэйко иногда задумывалась, что было страшней для ребенка — призрак смерти или тот факт, что она все не приходила?

И поэтому возможность отвлечься на заготовку для воинов бинтов, укрепляющих настоек и целебных гранул ияши-но-айи стала для девушки возможностью своеобразной передышки. Здесь, в Доме Снадобий, поодаль от главного дворца... она буквально отдыхала!

Но сейчас обязанности требовали ее присутствия наверху, да еще господин Фукуро послал за ней самую склочную служанку во всем поместье, настоящую мегеру.

— Ну что ты там, долго еще собираться будешь? — сварливо осведомилась Закура.

Мэйко поднялась из-за стола, дала несколько указаний соседкам и взглянула на старую ведьму.

— Уже иду! — ответила она. — Или надо взмыть и полететь?

— Хмф! — гневно хмыкнула Закура, затем развернулась и жестом велела Мэйко следовать за ней. Медичка иронично усмехнулась, но послушно двинулась за женщиной. В конце концов, Закура в каком-то смысле была голосом ее господина, а она никогда бы не позволила себе оказать неуважение старому даймё.

Они вышли из Дома Снадобий и по тропке направились вверх, к главной цитадели.

Предки господина Фукуро проявили редкостное здравомыслие, построив свою твердыню именно в этом месте. «Твердыня», впрочем, было некоторым преувеличением, поскольку, за исключением главной цитадели, в замке не было серьезных стен, в отличие от других замков, которые Мэйко довелось повидать в жизни. Хэйва-но-изэ, Дом Спокойствия, как называлось гнездо клана, был построен на нескольких скалистых островах реки Камисори. В этом месте поток был достаточно мелким, чтобы удалось вбить в русло сваи, поддерживающие мосты, — но и достаточно глубоким, чтобы у врага возникли проблемы с его форсированием. Тем самым вода составляла естественный защитный рубеж для замка, а внутрь можно было попасть лишь через одни ворота, к которым вел единственный же широкий и — в случае осады — легко разрушаемый мост. Таким образом, Дом Спокойствия состоял не из одного, а из нескольких зданий, расположенных на разных островах. И до главного из них можно было добраться лишь извилистой дорогой, остров за островом, мост за мостом, до тех пор, пока она не приводила к укрытому в бамбуковом лесу центральному дворцу.

Именно туда и вызвали сейчас Мэйко. Глубоко внутри главного дворца находилась комната под названием Зал Предков — в ней-то сейчас и лечили юного господина Конэко.

Но до того, как увидеть лица деревянных статуй Мудреца, наполняющих этот зал, Мэйко предстояло пройти через три острова, и при этом в компании недолюбливающей ее Закуры. Старуха не любила практически всех женщин моложе себя. Наверняка

когда-то она была очень красивой, потому сейчас так болезненно и переживала свой возраст и потерю привлекательности... по крайней мере, об этом шептались не терпящие ее целительницы. Однако Мэйко, хотя и подсмеивалась иногда над вредной бабой, все же относилась к ней с уважением, лишь время от времени позволяя себе небольшую шалость или шутку.

Потому что Дом Спокойствия был и ее домом тоже. А мать учила девушку, что следует уважать тех, с кем ты живешь.

Они шли широкой главной тропинкой, по краям которой высокие глиняно-каменные стенки отделяли ее от прочих построек. Из-за одной стенки доносилось кряканье, выдававшее находившуюся там ферму, а с другой стороны кто-то трудолюбиво работал пилой.

— Когда воины отправляются в путь? — спросила Мэйко, переходя через мост. Внизу своим путем текла река, в темно-синей воде плескались красные карпы.

— Сегодня клану Змеи торжественно была объявлена война. А завтра самураи и асигару выходят на тракт, — ответила Закура, о чудо, без своей обычной злобы. Неужели она боялась?

— Клан Змеи... нас ждет долгая битва?

Закура явно заколебалась.

— Нет! — ответила она наконец с демонстративной уверенностью. — Змеи вообще не клан, а просто солянка из бандитов и отщепенцев. Мечи наших самураев быстро обескровят их ряды.

Хорошо бы, чтоб так и вышло, подумала медичка.

Они прошли через очередной остров, на этот раз уже находящийся в глубине бамбукового леса, что покрывал пойму реки. Мэйко знала, что сторонний наблюдатель уже не смог бы даже увидеть этот остров, скрытый глубоко среди зелени. Ни этот, ни...

Женщины перешли мост, и Мэйко увидела главные ворота. Они назывались Кудзира-но-кучи, Пасть Кита. Мощные, целиком сработанные из дерева, они были настоящим чудом архитектуры! Сложный их механизм затрещал, и створки ворот слегка раздвинулись. Медичка взглянула вверх, на крохотные амбразуры, в которых виднелись лица стражников. Больших амбразур не было — Пасть была построена задолго до того, как Ниппон узнал силу огнестрельного оружия, а позже владыки клана решили, что столь сложную конструкцию, не повредив ее, перестроить не удастся.

Да и все равно, пожалуй, не было захватчика, который смог бы добраться сюда, сражаясь за каждый остров и за каждое поселение.

Ворота наконец раздвинулись достаточно широко, и женщины вошли в приятную тень. Тут им пришлось ненадолго остановиться и уступить дорогу отряду конницы, который как раз покидал внутреннюю цитадель. Воины в легких доспехах, с луками и копьями, ехали медленно и торжественно; это, скорее всего, был авангард армии, выступающей завтра.

— Идем, идем, наш господин ждет, а у тебя в голове одни воины! — зашипела Закура.

Мэйко хотела возразить, но потом решила, что не стоит.

Тем более что они оказались в самом важном месте Хэйва-но-изэ.

Хотя домики в деревнях внешних островов были, по ниппонским меркам, довольно просторными, но здешние постройки можно было принять за дворцы, возведенные для гигантов! Каждая из них занимала такую же площадь, как целая деревня, а внутри их — как уже убедилась Мэйко — находились настоящие лабиринты залов, коридоров, стен, перегородок и раздвижных дверей. Эти огромные здания составляли что-то вроде внешнего оборонительного кольца, внутри которого находилась наибольшая из построек — центральная резиденция рода Нагата, принадлежащая самому даймё и его семье.

Женщины ускорили шаг, обгоняя множество охранников и слуг, — можно было бы подумать, что они вошли в какой-то город! И впрямь, клан Нагата до сих пор был могуч, и больно было думать о его гаснущем великолепии.

Они прошли через самый большой, главный двор. Двор? Нет, скорее сад! Центральной его частью служил прекрасный чистый пруд. На поверхности воды были видны зреющие бутоны лотоса, а под водой плавали белые, красные и золотые карпы. Хотя пруд и занимал много места, на оставшейся части двора можно было еще устраивать конные скачки. Именно здесь с самого утра глава клана объявил войну Змеям, а самураи подняли мечи против враждебного клана.

И именно здесь все они стали свидетелями очередного приступа слабости, поразившего маленького наследника рода.

— За мной, за мной, торопись! — повторяла Закура, сейчас уже явно перепуганная. Эта женщина искренне любила своего господина и маленького Конэко. Любила как собственную семью.

Боковые двери раздвинулись. На пороге стоял господин Кицунэ, все еще в доспехах, с родовым мечом Нагаты на боку. Бородатое лицо его просветлело, когда он увидел медичку.

— Госпожа Мэйко, как хорошо, что вы прибыли так быстро! — воскликнул он.

Девушка поклонилась воину.

— Я явилась тут же, как только получила известие, — ответила она. — Прошу, проводи нас к юному господину.

Закура не сказала ничего, лишь поклонилась шомиё и оставалась в поклоне до тех пор, пока он не закрыл перед ней двери.

Мэйко повели через лабиринт залов и коридоров, все глубже и глубже погружаясь в центр резиденции. А потом по ступеням вниз, в подземную комнату. В Зал Предков.

Мэйко перешагнула порог и сразу вздохнула, как и каждый раз при виде обстановки в помещении. Это была не обычная комната, но гигантский зал, центральное место в котором занимал колоссальный позолоченный монумент Мудреца, внимательным взглядом мудрых глаз смотрящий вниз. Однако это был не единственный образ божества в помещении, поскольку у стен, на полках и специальных креплениях находились сотни, если не тысячи деревянных фигурок, изображающих этого бога — и одновременно первого Бессмертного.

О да! Клан Нагата всегда чтит это божество! Некоторые даже говорили, что именно из чресел Мудреца и произошел этот род. Другие передавали иную версию событий — якобы Нагата Ода, основатель рода, напал на остров, где находился храм жрецов Мудреца. Культовое строение он сжег, а самих монахов вырезал; но потом, увидев гигантскую позолоченную статую, пожалел о содеянном и решил отстроить здания, назначив их своим семейным гнездом, а самого Мудреца — покровителем клана.

Что было тут истиной, знал, наверное, лишь сам даймё, но фактом было то, что молящиеся за успех рода часто жертвовали статуэтки Мудреца, которые потом устанавливали здесь, в Зале Предков.

Это они, статуэтки, сейчас смотрели на лежащего в постели и тяжело дышащего мальчика. Мудрец в яростном обличье и Мудрец в веселом. Мудрец в обличье молодого человека и мудрец в обличье древнего старца. Мудрец с добрым и благородным лицом — и Мудрец с лицом демона, искаженным гневом. Десятки, сотни, тысячи лиц.

Отец сидел рядом с ребенком, гладил его потный лоб своей сморщенной старческой ладонью.

— Госпожа Мэйко... — сказал он при виде медички, — вот и ты...

— Вот и я, господин, — ответила девушка, сразу же принимаясь за работу.

Она вытащила из сумки лекарства, мази и другие принадлежности. Ладонью оценила температуру мальчика. Температура была высоковата, но горячки явно не было. Хотя бы так! Первым делом девушка достала крокодиловую мазь и смазала мальчику ще-

ки. Потом втерла в его ноздри успокаивающий порошок.

Это было все, что она могла сделать, — избавить ребенка от боли и рассчитывать на то, что организм опять справится сам. Потому что лекарства от его болезни не было.

— Госпожа Мэйко... — обратился к ней старик. — Сколько это еще будет продолжаться?..

— О чем вы, господин мой?

— Знаешь, мой ребенок... ты знаешь, о чем я спрашиваю...

Ну что она могла ему сказать? Восьмидесятилетнему старцу, стоящему у края могилы, в которую чуть позже положат и его сына? Что не имеет понятия о том, чем болен ребенок? Что мальчик, исходя из ее познаний, давно уже должен был умереть, но, несмотря на это, жив, хоть и страдает ежедневно, ежеминутно?

— Я работаю над диагнозом... каждый день! — ответила она в соответствии с истиной.

— Может быть, это всё влажность? Может быть, его стоит отослать с островов? Род Анегакодзи предлагал мне принять опеку...

— Совсем наоборот, господин мой! — запротестовала Мэйко. — Влажный климат способствует действию лекарств! А если источник проблем господина Конэко в легких, то сухой климат мог бы ему лишь повредить!

— Кроме этого... господин мой... — вмешался Кичунэ, — род Анегакодзи перестал существовать. Два года назад их вырезали всех, а земли их захватил клан Хосакава.

— Да... ах да... ведь я же помню... — с грустью прошептал глава рода.

Мэйко присела возле ребенка, протерла ладонью лоб, причесала пальцами остриженные возле ушей черные волосы. Она могла бы их отпустить, девочкой имела пышную и густую гриву — но ее профессия слишком часто вынуждала копаться в крови, экскрементах, человеческих внутренностях. Длинные волосы лишь мешали.

Наследник пошевелился, кашлянул, по его щеке скатилась капелька желтой слюны. Мэйко вытерла ее и снова измерила ладонью температуру ребенка.

Было лучше, значительно лучше!

Мальчик неожиданно открыл глаза.

— Па... папа! Господин Кицунэ? О, госпожа Мэйко, — прошептал он, — я скучал по вам!

— Да, я рядом, молодой господин, — улыбнулась девушка. — Ты спал!

— А... а самураи уже уехали?

— Нет, — ответил, внезапно воспрянув, господин Фукуро. — Отправляются только завтра!

— Хорошо, — сказал мальчик и попытался сесть. Кицунэ помог ему в этом. — Очень хотелось бы увидеть знаменосцев и штандарты.

— Увидишь, конечно, молодой господин, — улыбнулась Мэйко. Кризис, судя по всему, миновал столь же быстро, как и возник. — Как ты сейчас себя чувствуешь?

— У меня болят живот и мышцы... и еще я голоден.

Голод, боль в животе и мышцах. Новые симптомы! Да что ж это за проклятая болезнь, где постоянно меняются правила игры?!

— И еще у меня был сон... — добавил мальчик.

— Сон?

— Да.

— А что тебе снилось, молодой господин? — спросила Мэйко.

Мальчик покачал головой.

— Мне снились воробьи, — ответил он, — и змеи.

— Был ли это хороший сон, господин? — спросил на этот раз уже Кицунэ.

— О нет, господин Хаяи... это был очень, очень дурной сон...

* * *

Если самурай был подобен мечу, то призывные асигару были подобны стеблям бамбука. Поодиночке хрупкие, легко рубящиеся, гнущиеся и ломающиеся, они все же могли, будучи связаны вместе, составить нешуточное препятствие даже для отличного меча, стать труднопреодолимым барьером.

Именно так рассматривал своих солдат господин Кицунэ. Стоящие перед ним асигару в соломенных шляпах, вооруженные копьями яри, в одиночку не представляли угрозы для любого воина. Да, они сражались смело, а некоторые даже неплохо управлялись с оружием, но лишь группой составляли силу, с которой вынужден был считаться противник.

— Сенши! — крикнул он с высоты своего седла. — Воины! Держать строй!

— Есть! — отозвались воины, крепче сжимая древки своих копий.

Хаяи дернул поводья, посылая своего коня в галоп. Тот помчался вдоль строя, а командир обнажил меч и плашмя постукивал им на скаку по наконечникам яри, оценивая, не пьитися ли кто-то из мужчин или, напротив, не рвется ли слишком сильно в бой. Именно этот строй, идеально ровная стена выставленных перед собой копий под названием Киба но кабэ, Стена Клыкков, и являлся основным и лучшим способом использования в бою подобных отрядов.

Командир вновь потянул поводья, развернув коня так, что сухая пыль ударила из-под копыт, и еще раз проехал вдоль строя, чтоб потом немного от него отдалиться.

Асигару так и стояли с выставленными перед собой копьями. Наконечники блестели на утреннем солнце, пыль чуть припорошила панцири. Стена Клыкков была неколебима.

Кицунэ подъехал к ожидающим его на другой стороне плаца конным самураям. Мужчины в голубых доспехах были в полной готовности. Двадцать кавалеристов с обнаженными катанами ждали лишь приказа.

— Нагата! — прокричал Хаяи. — В атаку! Смерть!

Ему ответил крик, полный ярости; самураи рванули поводья, пуская коней в галоп, устремились к строю асигару.

Те стояли неколебимо.

«Не подведите меня, — думал Кицунэ. — Не подведите меня, воины!»

Дистанция между отрядами неуклонно сокращалась. Кони летели вскачь, самураи визжали, размахивая катанами, их лезвия чертили в воздухе светлые молнии.

Асигару стояли на месте, словно настоящая стена.

Кицунэ уже практически видел белки глаз солдат, был уверен в том, что они не побегут, не отступят ни на шаг. Будут стоять на месте, готовые принять на себя атаку противника.

Он натянул поводья и остановил коня. Жеребец зарылся копытами в почву, как и кони остальных самураев. Они остановились перед самой шеренгой, почти касающейся остриями копий их доспехов.

Когда тучи пыли рассеялись и опустились, стало видно, что асигару стояли на месте твердо.

В этом и была сила асигару. Хорошо обученный смелый отряд напоминал единый организм, состоящий из многих частей. Все равно: летела ли на них конная лавина или атаковала пехота, асигару, обученные выстраиваться Стеной Клыков, могли противостоять любому врагу.

Кицунэ медленным привычным движением бросил меч в ножны, одобрительно кивнул головой.

— Вы снова выстояли перед атакой! — крикнул он. — И не испугались! Воины! Вы готовы! Мы идем на войну!!!

Асигару подняли свои копья и ударили в землю их древками.

— Сеншо! — прокричали они в ответ. — Война! Смерть!

— Смерть! — отозвались и самураи, становясь в этот момент с ополченцами единой армией, единой силой.

Кицунэ не сдержал довольной улыбки. Его тяжелый труд за последние несколько месяцев оправдал себя — асигару были готовы. Господин Фукуро будет

доволен. Одними самураями они не смогли бы выиграть войны с кланом Змеи. У рода Нагата их было слишком мало, чтобы справиться с сильным и, что хуже, нечестно сражающимся противником.

Змеи вступили на дорогу войны подло, без предупреждения или официального объявления о начале конфликта. Они напали, словно мангуты, коварно и исподтишка — подожгли деревни, засыпали солью рисовые поля, а потом снова ушли в чащи и горные долины.

Одно нападение, второе, третье... господину Фукуро это надоело, и он начал задумываться о войне. Старый, угасающий клан в последний раз выходил на бой. И хотя у него не было армии, кроме небольших отрядов преданных самураев, но, как ни странно, сами Змеи и помогли создать эту армию!

Крестьяне из сожженных деревень стягивались под защиту своего господина, а он, разумеется, принял их в Доме Спокойствия. И предложил то, чего они желали даже больше, чем безопасности или еды.

Предложил им возможность отомстить!

Хаяи быстро сумел выбрать из желающих тех, кто был способен сражаться. Возраст не имел значения, в бой могли идти и молодежь, и старики — все зависело от их силы и готовности к битве. Оружия в родовом замке хватало, доспехов тоже, так что создать отряды асигару — один с мечами и копьями яри, другой с луками — было несложно. Больше всего времени ушло на их обучение.

Легко вооружить две сотни мужчин. Намного труднее подготовить их к использованию этого оружия.

Но и здесь роду Нагата улыбнулась удача. Среди ополченцев нашлось несколько людей, которые уже знали звон стали. Ветераны давних войн между кланами или даже те, кто дрался с мангутами и выжил, сами предложили свою помощь. Хаяи, наскоро проверив их знания и навыки, присвоил им звания готё, старшин своих отрядов. На полусотню асигару приходился один готё, у которого еще было два заместителя, так что если бы даже старшина погиб, приказы мог бы передать его помощник.

И вот они тренировались на плацах близ главной резиденции. Команды, сигналы, приказы. Строевая подготовка, умение держать строй, виды строя. Стрельба из луков, действия в случае разгрома отряда. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. И наконец Хаяи убедился в том, что солдаты готовы.

Сегодня убедился в этом окончательно.

— Воины клана Нагата! — закричал он. — Сегодня настал день вашей мести! Сегодня мы выходим на войну!!!

И ему ответил полный ярости боевой клич из сотен глоток.

Пора было выступить и отвоевать то, что коварно украли у них Змеи.

* * *

Она осторожно высыпала серые гранулки в деревянную коробочку и закрыла крышку. Подала коробочку присевшей рядом девушке, а та отложила ее в кучу таких же уже упакованных коробок. Лекарственные гранулки ияши-но айи должен был по-